
Глава первая

МЕХАНИЗМ

Так как объективность есть возвратившаяся в свое единство целокупность понятия, то этим положено нечто непосредственное, что само по себе есть указанная целокупность и также положено как таковая, но в чем отрицательное единство понятия еще не отделилось от непосредственности этой целокупности, — иначе говоря, объективность еще не положена как *суждение*. Поскольку она имеет имманентно внутри себя понятие, в ней имеется различие понятия; но в силу объективного целокупного характера различные суть *полноценные* (*vollständige*) и *самостоятельные объекты*, которые поэтому и в своем соотношении относятся друг к другу только как *самостоятельные* и во всяком соединении остаются *внешними* друг другу. — *Механический* характер заключается в том, что, каково бы ни было соотношение соединяемых [объектов], оно чуждо им, не касается их природы, и хотя бы оно и было связано с видимостью чего-то единого, оно все же остается только *сложением, смесью, кучей* и т. д. *Духовная* механичность (*Mechanismus*) подобно *материальной* также состоит в том, что соотносящиеся в духе [моменты] остаются внешними и друг другу, и ему самому. *Механический способ представления, механическая память, привычка, механический образ действия* означают, что в том, что дух воспринимает или делает, недостает присущего ему проникновения и присутствия. Хотя механичность его в теоретической или практической сфере не может иметь места без его самодеятельности, без какого-то импульса и сознания, в ней, однако, нет свободы индивидуальности, и так как эта свобода в ней не проявляется, то такое действие выступает как чисто внешнее.

А. МЕХАНИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

Объект, как выяснилось, это — *умозаключение*, опосредствование которого сгладилось и потому стало непосредственным тождеством. Поэтому он в себе и для себя всеобщее; всеобщность не в смысле одинаковости свойств, а всеобщность, которая проникает особенность и есть в ней непосредственная единичность.

1. Поэтому в объекте, во-первых, не различены *материал* и *форма*, из которых первая была бы его самостоятельной всеобщностью, а вторая — его особенностью и единичностью; такого абстрактного различия единичности и всеобщности в нем согласно его понятию нет; если его рассматривают как материю, то его следует принимать за материю, в себе самой приобретшую форму. Равным образом его можно определять как вещь, обладающую свойствами, как целое, состоящее из частей, как субстанцию, обладающую акциденциями, и по прочим отношениям рефлексии; но эти отношения уже вообще исчезли в понятии [объекта]; поэтому объект не имеет ни свойств, ни акциденций, ибо они отделимы от вещи или субстанции, в объекте же особенность совершенно рефлектирована в целокупность. Правда, частям того или иного целого присуща та самостоятельность, которая свойственна различиям объекта, но эти различия сами суть по существу своему с самого начала объекты, целокупности, у которых в отличие от частей нет такой определенности по отношению к целому.

Поэтому объект прежде всего *неопределенен* постольку, поскольку в нем нет никакой определенной противоположности; ибо он опосредствование, слившееся в непосредственное тождество. Поскольку *понятие по существу своему определено*, объект обладает определенностью как некоторым, хотя и полным, но все же *неопределенным*, т. е. *лишенным отношения, многообразием*, составляющим прежде всего такую же далее неопределенную целокупность; *стороны, части*, различные в объекте, принадлежат внешней рефлексии. Это совершенно неопределенное различие состоит поэтому лишь в том, что имеются *многие* объекты, каждый из которых содержит свою определенность рефлектированной только в свою всеобщность, а не проступает *наружу* (*nach aussen scheint*). — Так как для объекта эта неопределенная определенность принад-

лежит к его сущности, то он в самом себе есть такое *множество* и должен поэтому рассматриваться как нечто *составное*, как *агрегат*. — Он, однако, не состоит из *атомов*, ведь атомы не объекты, поскольку они не целокупности. *Лейбницевская монада* была бы в большей мере вправе считаться объектом, так как она целокупность представления о мире, но, будучи замкнутой в своей *интенсивной субъективности*, она должна быть по существу своему по крайней мере «одним» внутри себя. Однако монада, определенная как *исключающее «одно»*, есть лишь принцип, *принятый рефлексией*. Но монада есть объект, с одной стороны; постольку, поскольку основание ее многообразных представлений (развитых, т. е. *положенных* определений ее лишь в себе сущей целокупности) находится *вне ее*, с другой стороны, постольку, поскольку для монады точно так же безразлично, будет ли она составлять *вместе с другими [монадами]* некоторый объект или не будет; стало быть, на самом деле она не есть нечто *исключающее, определенное само по себе*.

2. А так как объект есть целокупность *определенности* (*Bestimmtseins*), но в силу своей неопределенности и непосредственности не есть *отрицательное единство* этой определенности, то он *безразличен* к *определениям* как *единичным*, определенным в себе и для себя, так же как и сами эти определения безразличны друг к другу. Они не могут поэтому быть постигнуты ни из объекта, ни друг из друга; целокупность объекта — это форма всеобщей рефлектированности его многообразия в самое по себе неопределенную единичность вообще. Следовательно, определенности, которыми объект обладает, ему, правда, присущи, но *форма*, составляющая их различие и связывающая их в единство, есть *внешняя, безразличная форма*; смесь ли она или же некоторый *порядок*, то или иное *расположение* частей и сторон, — все это соединения, которые безразличны к тому, что так соотнесено.

Стало быть, объект, как и наличное бытие вообще, имеет определенность своей целокупности *вовне себя*, в *других объектах*, а эти объекты в свою очередь также имеют эту определенность *вовне себя* и так далее до бесконечности. Возврат в себя этого выхода в бесконечное должен быть, правда, также признан и представлен как *целокупность*, как *мир*, который, однако, есть не что иное,

как всеобщность, замкнутая внутри себя через неопределенную единичность, — некоторая *вселенная*.

Следовательно, поскольку объект в своей определенности точно так же безразличен к ней, он через само себя указывает касательно его определенности (*Bestimmtsein*) на нечто *вовне себя* — на объекты, которым, однако, столь же безразлично быть *определяющими* [или нет]. [Здесь] поэтому нигде нет принципа самоопределения; *детерминизм* — точка зрения познания, которому объект, каким он здесь пока что оказался, представляется истиной, — указывает для каждого определения объекта определение другого объекта, но этот другой объект точно так же безразличен и к своей определенности (*Bestimmtsein*), и к своей активности. — В силу этого и сам детерминизм столь неопределенен, что вынужден уходить в бесконечность; он может где угодно остановиться и удовлетвориться этим, потому что объект, к которому он перешел, замкнут внутри себя как формальная целокупность и безразличен к тому, что его определяет другой объект. Поэтому *объяснять* определение объекта и совершать для этой цели движение этого представления — значит тратить лишь *пустые слова*, так как в другом объекте, к которому представление переходит, нет никакого самоопределения.

3. Так как *определенность* одного объекта *заключена* в другом объекте, то нет никакой определенной разницы между ними; определенность лишь *двойная* — сперва в одном объекте, а затем в другом; она нечто всецело лишь *тождественное*, и объяснение или постижение поэтому *тавтологично*. Эта тавтология есть внешнее, пустое блуждание; так как определенность не получает от безразличных к ней объектов никакого собственного различия и потому лишь тождественна, то имеется лишь *одна* определенность; именно в ее двойственности находит свое выражение то, что различие *внешне* и *ничто*жно. Но в то же время объекты *самостоятельны* по отношению друг к другу, и поэтому они остаются в том тождестве совершенно *внешними* друг другу. — Тем самым имеется *противоречие* между полным безразличием объектов друг к другу и тождеством их *определенности*, т. е. тем, что они полностью *внешни* друг другу в *тождестве* их определенности. Это противоречие есть, таким образом, *отрицательное единство* многих объектов, всецело отталкивающихся внутри его, — *механический процесс*.

В. МЕХАНИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Если объекты рассматриваются лишь как замкнутые внутри себя целокупности, то они не могут действовать друг на друга. В этом определении они то же, что *монады*, которые как раз поэтому мыслились как не оказывающие никакого воздействия друг на друга. Но именно вследствие этого понятие монады есть ущербная рефлексия. Ибо, во-первых, она *определенное* представление о своей лишь *в себе* сущей целокупности; как *некоторая степень* развития и *положенности* своего представления о мире, она нечто *определенное*; но, будучи замкнутой внутри себя целокупностью, она и безразлична к этой определенности; вот почему эта определенность есть не ее собственная определенность, а *определенная другим* объектом. Во-вторых, монада есть нечто *непосредственное* вообще, поскольку она, [по Лейбницу], есть нечто лишь *представляющее*; ее соотношение с собой есть поэтому *абстрактная всеобщность*; в силу этого она *открытое для других наличное бытие*. — Чтобы дойти до свободы субстанции, недостаточно представлять себе ее как такую целокупность, которая, будучи *полной внутри себя*, не нуждается в приобретении чего-нибудь *извне*. Скорее именно это лишенное понятия, только представляющее соотношение с самой собой и есть *пассивность* по отношению к другому. — Точно так же и *определенность*, как бы ее ни понимали — как определенность чего-то *сущего* или как определенность чего-то *представляющего*, как *степень* собственного, изнутри возникающего развития, — есть нечто *внешнее*; достигаемая развитием *степень* имеет свою *границу* в чем-то *ином*. Переносить взаимодействие субстанций в какую-то *предустановленную гармонию* означает не что иное, как превращать его в *предпосылку*, т. е. в нечто такое, что понятием не охватывается. — Потребность избежать *воздействия* субстанций друг на друга покоялась [у Лейбница] на положенном в основу моменте абсолютной *самостоятельности и первоначальности*. Но так как этому *в-себе-бытию* не соответствует *положенность*, степень развития, то именно поэтому оно имеет свое основание в чем-то *ином*.

Об отношении субстанциальности было раньше сказано¹⁰⁵, что оно переходит в отношение причинности. Но сущее имеет здесь определение уже не *субстанции*, а

объекта; отношение причинности исчезло в понятии; первоначальность одной субстанции в отношении другой оказалась видимостью, а ее действование — переходом в противоположное. Вот почему отношение причинности не имеет никакой объективности. Поэтому, поскольку объект положен в форме субъективного единства как действующая причина, это теперь считается уже не первоначальным определением, а чем-то *опосредствованным*; действующий объект имеет это свое определение лишь через посредство другого объекта. — Так как *механизм* принадлежит к сфере понятия, в нем положено то, что оказалось истиной отношения причинности, а именно что причина, существующая быть в-себе-и-для-себя-сущим, есть по существу своему точно так же и действие, положенность. Поэтому в механизме причинность (*Ursachlichkeit*) объекта есть непосредственно непервоначальность (*Nichtursprünglichkeit*); объект безразличен к этому своему определению; поэтому случайно для него то, что он причина. — В этом смысле можно было бы, конечно, сказать, что причинность субстанций есть лишь *нечто* [в них] *представленное*. Но именно эта представленная в них причинность и есть *механизм*, так как он состоит в том, что причинность как *тождественная* определенность разных субстанций, стало быть, как исчезновение их самостоятельности в этом тождестве, *лишь положена*; объекты безразличны к этому единству и сохраняются вопреки ему. Но в такой же степени и эта их безразличная *самостоятельность* лишь *положена*; поэтому они способны *смешиваться* друг с другом и *образовать агрегаты* и в качестве агрегата становиться *одним объектом*. В силу этого безразличия и к своему переходу, и к своей самостоятельности субстанции *суть объекты*.

а) Формальный механический процесс

Механический процесс есть полагание того, что содержится в понятии механизма, стало быть, прежде всего полагание *противоречия*.

1. Воздействие объектов друг на друга, как это вытекает из показанного выше понятия, есть *полагание тождественного соотношения* объектов. Это полагание состоит лишь в том, что определенности, на которую воздействуют¹⁰⁶, сообщается *форма всеобщности*, а это есть *спо-*

соб передачи (Mitteilung)¹⁰⁷ без перехода в противоположное. — *Передаванье в сфере духовного*, и без того совершающееся в стихии, которая есть всеобщее в форме всеобщности, есть само по себе идеальное соотношение, при котором *та или иная определенность непрерывно передается* в неискаженном виде от одного лица к другому и становится всеобщим достоянием (*verallgemeinert sich*) без всякого изменения, подобно тому как благоухание свободно распространяется в не оказывающей противодействия атмосфере. Но и при передавании, имеющем место между материальными объектами, их определенность распространяется, так сказать, *шире* таким же идеальным образом; ведь личность есть бесконечно более интенсивная *неподатливость*, чем та, которая присуща объектам. Та формальная целокупность объекта вообще, которая безразлична к определенности и потому не есть самоопределение, делает его неразличенным от другого объекта, а стало быть, его воздействие — прежде всего беспрепятственным продолжением определенности одного в другом.

В сфере духовного может быть передано бесконечно многообразное содержание, которое, воспринятое интеллектом, приобретает ту *форму* всеобщности, которая и делает его способным быть переданным. Но то, что всеобще не только через посредство формы, но и в себе и для себя, есть и в сфере духовного, и в сфере телесного *объективное*, как такое, по сравнению с которым единичность внешних объектов, равно как и лиц, есть нечто несущественное, не способное оказать ему какое-либо сопротивление. Законы, нравы, разумные представления вообще способны в сфере духовного быть таким образом переданными, бессознательно проникая индивидов и приобретая в них свою силу. В сфере телесного это — движение, теплота, магнетизм, электричество и т. п., которые, даже если хотят представлять их себе как вещества или материи, должны быть определены как *невесомые факторы* — факторы, не обладающие тем материальным моментом, который обуславливает *их раздробление на единичности*.

2. Но если в воздействии объектов друг на друга положена прежде всего их *тождественная* всеобщность, то столь же необходимо должен быть положен и другой момент понятия — *особенность*; поэтому объекты доказывают также свою *самостоятельность*, сохраняются как внешние друг другу и в указанной всеобщности созидают

единичность. Это созидание есть *противодействие* (Reaction) вообще. Прежде всего не следует ее понимать *просто* как *упразднение* действия (Aktion) и переданной определенности; переданное как всеобщее положительно наличествует в особенных объектах и *обособляется* лишь в их разности. Вот почему переданное остается тем, что оно есть; оно только *распределяется* между объектами, иначе говоря, определяется их *партикулярностью*. — Причина утрачивает себя в своем ином, в действии, активность причинной субстанции утрачивает себя в ее действовании; *воздействующий* же *объект* становится лишь чем-то *всеобщим*; его действие — это не утрата его определенности, а прежде всего *партикуляризация*, в силу которой он, бывший первоначально той целой, *единичной* в нем определенностью, становится теперь одним из ее *видов*, и лишь этим *определенность* положена как нечто всеобщее. И то и другое — возведение единичной определенности во всеобщность в передавании и ее *партикуляризация* или низведение ее, которая раньше была лишь «одной», до одного из видов в распределении, — это одно и то же¹⁰⁸.

Противодействие равно *действию*. — Это проявляется, *во-первых*, так, что другой объект *принял в себя* все всеобщее и в этом смысле деятелен теперь по отношению к первому. Таким образом, его противодействие есть то же самое, что действие, — *взаимное отталкивание* *толчка*. *Во-вторых*, переданное объективно; оно, следовательно, остается субстанциальным определением объектов, когда их разность выступает в качестве предпосылки; всеобщее, стало быть, в то же время специфицируется в них, и поэтому каждый объект не только возвращает все действие, но имеет и свою специфическую долю. Но, *в-третьих*, противодействие есть постольку *совершенно отрицательное действие*, поскольку каждый объект, в силу *упругости* *своей самостоятельности*, отталкивает положенность в нем иного и сохраняет свое соотношение с собой. Та специфическая особенность переданной определенности в объектах, которая выше была названа видом, возвращается к *единичности*, и объект остается чем-то внешним по отношению к переданной ему *всеобщности*. Этим действие переходит в *покой*. Оно оказывается лишь *поверхностным*, преходящим изменением в замкнутой внутри себя безразличной целокупности объекта.

3. Это возвращение составляет *продукт* механического процесса. *Непосредственно* объект *предложен* как единичное; далее — как особенное по отношению к другим, а в-третьих, — как безразличное к своей особенности, как всеобщее. *Продукт* — это указанная *предложенная* целокупность понятия, теперь уже как *последованная*. Он¹⁰⁹ — заключение, в котором переданное всеобщее связано с единичностью через особенность объекта; но в то же время *опосредствование* положено в покое как *снявшее* себя, иначе говоря, таким образом, что продукт безразличен к этой своей определяемости, и приобретенная определенность есть в нем внешняя определенность.

Согласно этому, продукт есть то же, что объект, лишь вступающий в процесс. Но в то же время он *определен* только этим движением; механический объект есть *вообще объект* лишь как *продукт*, ибо то, что он есть, в нем имеется лишь через *опосредствование* *чем-то иным*. Таким образом, как продукт он есть то, чем он должен был быть в себе и для себя, — нечто *составное, смешанное, некоторый порядок и расположение частей, вообще нечто такое, определенность чего есть не самоопределение, а нечто положенное*.

С другой стороны, *результат* механического процесса точно так же *до него самого еще не имеется*; в отличие от цели его *конца нет в его начале*. Продукт есть определенность в объекте как *внешне положенная*. Вот почему по *понятию* этот продукт есть, конечно, то же, что объект есть уже с самого начала. Но внешняя определенность вначале еще не дана как *последованная*. Результат есть поэтому нечто *совершенно иное*, чем первое наличное бытие объекта, и дан как нечто для него совершенно случайное.

b) Реальный механический процесс

Механический процесс переходит в *покой*. Ведь определенность, которую объект приобретает через механический процесс, — это лишь *внешняя определенность*. Нечто столь же внешнее есть для объекта сам этот покой, так как покой есть определенность, противоположная *действованию* объекта, но объекту безразличны обе эти определенности; поэтому покой также можно рассматривать как произведенный *внешней причиной*, точно так же как объекту было безразлично, быть ли действующим или нет.

А так как, далее, определенность есть *положенная определенность и понятие объекта возвратилось к самому себе через опосредствование*, то объект содержит определенность как рефлектированную в себя. Поэтому объекты в механическом процессе и сам этот процесс имеют теперь более определенное отношение. Они не просто разные, но и *определенны различными* между собой. Результат формального процесса, который, с одной стороны, есть лишенный определений покой, тем самым, с другой стороны, в силу рефлектированной в себя определенности, *распределяет противоположность, свойственную вообще объекту, между многими механически относящимися друг к другу объектами*. Объект, который, с одной стороны, лишен определений и ведет себя *неподатливо и несамостоятельно, непроницаемой* для других [объектов]. Объекты имеют теперь и по отношению друг к другу эту более определенную противоположность между *самостоятельной единичностью и несамостоятельной всеобщностью*. — Различие можно более точно понимать как чисто *количественное* различие в величине *массы* тел или как различие *интенсивности* или [можно понимать его] различными другими способами. Вообще же это различие не следует фиксировать только в указанной абстрактности; обе [стороны противоположности] и как объекты *положительно самостоятельны*.

Первый момент этого реального *процесса* — это, как и ранее, *передавание*. Более слабое может быть охвачено и проникнуто более сильным лишь постольку, поскольку первое принимает его в себя и образует с ним одну *сферу*. Подобно тому как в сфере материального слабое защищено от несоразмерно сильного (так, свободно висящий в воздухе платок не пробивается ружейной пулей; слабая органическая восприимчивость возбуждается не столько сильными, сколько слабыми раздражителями), так и совершенно слабый дух более защищен от сильного, нежели такой дух, который ближе к сильному духу; если представить себе нечто совсем глупое или неблагородное, то глубокий ум или благородство не могут произвести на него никакого впечатления; единственное действенное средство *против* разума — это совсем не связываться с ним. — Так как несамостоятельное не может слиться с самостоятельным и они не могут ничего передавать друг другу, то са-

мостоятельное не может и оказывать какое-либо *сопротивление*, т. е. не может специфицировать для себя переданное всеобщее. — Если бы они не находились в одной сфере, то их соотношение друг с другом было бы бесконечным суждением (*Urteil*) и между ними был бы невозможен какой-либо процесс¹¹⁰.

Сопротивление — это ближайший момент преодоления одного объекта другим, будучи начальным моментом распределения переданного всеобщего и полагания соотносящейся с собой отрицательности, [т. е.] подлежащей восстановлению единичности. Сопротивление преодолевается, поскольку его определенность не *сопразмерна* переданному всеобщему, принятому объектом и долженствующему сингуляризироваться в нем. Относительная несамостоятельность объекта проявляется в том, что его *единичность* не способна *вместить передаваемое* и потому варывается им, так как объект не может конституироваться в этом всеобщем как *субъект*, не может сделать его своим *предикатом*. — *Насилье* над объектом есть лишь с этой другой стороны нечто *чуждое* ему. *Сила* становится *насилием* оттого, что она, будучи объективной всеобщностью, *тождественна с природой* объекта, но ее определенность или отрицательность — это не та его собственная *отрицательная рефлексия* в себе, согласно которой он единичен. Если отрицательность объекта в силе не рефлектирует себя в себе и если сила не есть его собственное соотношение с собой, то она в отличие от этого соотношения есть лишь *абстрактная* отрицательность, проявление которой есть исчезновение.

Сила как *объективная всеобщность* и как *насилие над* объектом есть то, что называют *судьбой*. Понятие судьбы относится к сфере механического, если судьбу называют *слепой*, т. е. если ее *объективная всеобщность* не познается субъектом в своем специфическом свойстве. — По этому поводу следует еще заметить, что судьба живого вообще — это *род*, который проявляется через бренность живых индивидов, свойственную им в их *действительной единичности*, а не как роду. Просто как объекты живые существа подобно остальным вещам, стоящим на низшей ступени, не имеют судьбы; все, что с ними происходит, — случайность; но в *своем понятии как объекты* они *внешни* себе; чуждая [им] власть судьбы есть поэтому всецело лишь их *собственная непосредственная природа*, внешняя

проявленность и случайность, как таковые. Судьбу в собственном смысле имеет лишь самосознание, так как оно обладает *свободой*, а потому в *единичности* своего Я существует всецело *в себе и для себя* и может противопоставлять себя своей объективной всеобщности и *отчуждаться* от нее. Но вследствие самого этого акта отъединения оно вызывает против себя механизм некоей судьбы. Стало быть, для того чтобы такого рода судьба могла обрести власть над самосознанием, самосознание должно определить себя так, чтобы ему противостояла всеобщность [его собственного] существа, должно совершить какой-то *поступок*. Этим самосознание сделало себя чем-то *особенным*, и это наличное бытие как абстрактная всеобщность есть в то же время сторона, открытая для передачи ему сущности, отчужденной от него; с этой стороны оно и вовлекается в процесс¹¹¹. Бездеятельный народ безупречен; он облечён в объективную, нравственную всеобщность и растворен в ней, лишенный индивидуальности, которая движет неподвижное, внешне определяет себя и дает себе абстрактную всеобщность, отделенную от объективной всеобщности, в силу чего, однако, и сам субъект отчуждает себя от своей сущности, превращает себя в *объект* и вступает в отношение чего-то *внешнего* своей природе и в отношение механизма.

c) Продукт механического процесса

Продукт *формального* механизма — это объект вообще, безразличная целокупность, в которой *определенность положена*. Так как объект вследствие этого вступил в процесс как нечто *определенное*, то, с одной стороны, результат прекращения этого процесса — *покой* как первоначальный формализм объекта, отрицательность его для-себя-определенности (*Für-sich-bestimmtseins*). Но с другой стороны, снятие того, что объект есть нечто определенное, оказывается *положительной рефлексией объекта* в себя, возвратившейся в себя определенностью или *положенной целокупностью* понятия, истинной единичностью объекта. Объект сначала в своей неопределенной всеобщности, а затем как *особенное* определен теперь как *объективно единичное*; так что в нем снята указанная выше *видимость той единичности*, которая есть лишь самостоя-

тельность, противополагающая себя субстанциальной всеобщности.

Эта рефлексия в себя есть теперь, как оказалось, объективное бытие объектов как единых (*Einssein*), которое есть индивидуальная самостоятельность, — центр. Во-вторых, рефлексия отрицательности — это всеобщность, которая есть не противостоящая определенности, а определенная внутри себя, разумная судьба — такая всеобщность, которая обособляет себя *в самой себе*, спокойное различие, устойчивое в несамостоятельной особенности объектов и в их процессе, — закон. Этот результат есть истина и тем самым также основа механического процесса.

С. АБСОЛЮТНЫЙ МЕХАНИЗМ

а) Центр

Пустое многообразие объекта теперь, во-первых, собрано в объективную единичность, в простое определяющее себя *средоточие*. Так как, во-вторых, объект как непосредственная целокупность сохраняет свое безразличие к определенности, то определенность имеется в нем и как несущественная, иначе говоря, как *внеположность* многих объектов. Первая, существенная определенность образует собой, напротив, *реальную середину* между многими механически действующими друг на друга объектами, через которую они соединены *в себе и для себя*, и есть их объективная всеобщность. Всеобщность оказалась сначала в *передавании*, имеющем место лишь благодаря *полаганию*; как *объективная* же она проникающая, имманентная сущность объектов.

В материальном мире такой всеобщностью служит *центральное тело*, которое есть *род*, однако как *индивидуальная* всеобщность единичных объектов и их механического процесса. Несущественные единичные тела относятся между собой как *толкающие и оказывающие давление* друг на друга; такого отношения нет между центральным телом и теми объектами, сущность которых оно есть; ибо внешняя проявленность их уже не составляет их основного определения. Их тождество с центральным телом — это, стало быть, скорее покой, а именно *бытие в их центре*; это единство есть их *в себе и для себя* сущее понятие. Однако это единство остается лишь *долженствование*.

нием, так как ему не соответствует положенная еще при этом внешняя проявленность объектов. Поэтому свойственное им стремление к центру есть их абсолютная, не положенная передаванием всеобщность; она составляет истинный, сам по себе конкретный (а не положенный извне) покой, в который должен возвратиться процесс несамостоятельности. — Поэтому, когда в механике принимают, что приведенное в движение тело продолжало бы вообще двигаться по прямой линии до бесконечности, если бы оно не теряло своего движения из-за внешнего сопротивления, то это пустая абстракция. Трение или любая другая форма сопротивления есть лишь явление центричности (*Zentralität*); центричность и есть как раз то, что абсолютно возвращает к себе [движущееся] тело; ибо то, обо что трется движущееся тело, обладает силой сопротивления только благодаря тому, что оно составляет одно с центром¹¹². — В сфере духовного центр и слитость с ним принимают высшие формы; но единство понятия и реальность этого единства, которые вначале образуют здесь механическую центричность, должно и там составлять основное определение.

Поэтому центральное тело перестало быть просто *объектом*, так как в объекте определенность несущественна; ведь центральное тело [теперь] уже обладает не только *в-себе-бытием* объективной целокупности, но и ее *для-себя-бытием*. Его можно поэтому рассматривать как *индивиду*. Его определенность существенно отличается от простого *порядка* или *расположения* и *внешней связи* частей; как в себе и для себя сущая определенность она *имманентная* форма, самоопределяющий принцип, которому объекты присущи и которым они связаны в истинное «одно».

Однако взятый таким образом этот центральный индивид есть еще только *средний член*, который еще не имеет истинных крайних членов; но как отрицательное единство целокупного понятия он расщепляет себя на таковые. Иначе говоря, те внешние друг другу объекты, которые раньше были несамостоятельными, определяются через возвращение понятия также как индивиды; тождество центрального тела с собой — оно есть еще *стремление* — сковано своей *внешней проявленностью*, которой, поскольку она принята в *объективную единичность* центрального тела, передана эта единичность. Благодаря этой

собственной центральности они, поставленные вне того первого центра, сами суть центры для несамостоятельных объектов. Эти вторые центры и несамостоятельные объекты связаны указанным выше абсолютным средним членом¹¹³.

Но и сами относительные центральные индивиды составляют средний член *второго умозаключения*; с одной стороны, этот средний член подведен под высший крайний член — под объективную *всеобщность и силу* абсолютного центра, с другой стороны, под него как носитель поверхностной или формальной порожденности несамостоятельных объектов подведены эти объекты¹¹⁴. — Они тоже составляют средний член некоторого *третьего, формального умозаключения*, будучи связующим звеном между абсолютной и относительной центральной индивидуальностью постольку, поскольку центральная индивидуальность внешне проявлена в них, в силу чего *соотношение с собой* есть в то же время *стремление к некоторому абсолютному средоточию*. Формальные объекты имеют своей сущностью таждественную *тажесть* своего непосредственного центрального тела, которому они присущи как своему субъекту и крайнему члену — единичности; через посредство той внешности, которую они составляют, это центральное тело подведено под абсолютное центральное тело; они, следовательно, суть формальный средний член — *особенность*¹¹⁵. — Абсолютный же индивид есть объективно всеобщий средний член, связывающий между собой и поддерживающий внутри-себя-бытие относительного индивида и его внешность¹¹⁶. — Подобным же образом и *правительство, граждане-индивидуы и потребности*, или *внешняя жизнь*, единичных людей суть логически три момента (Termini), каждый из которых есть средний член для двух остальных. *Правительство* — это абсолютный центр, в котором один крайний член — единичные — связан с [другим] крайним членом — с их внешним существованием (Bestehen)¹¹⁷. Точно так же единичные суть средние члены, которые приводят в действие этот всеобщий индивид, давая ему внешнее существование, и переводят свою нравственную сущность в действительность как крайний член¹¹⁸. Третье умозаключение есть формальное умозаключение, умозаключение видимости: единичные люди связаны с этой всеобщей абсолютной индивидуальностью через свои *потребности*

и через внешнее существование; это — умозаключение, которое как чисто субъективное переходит в те другие умозаключения и в них имеет свою истину¹¹⁹.

Эта целокупность, моменты которой сами суть обладающие полнотой отношения понятия — умозаключения, в которых каждый из трех различных объектов проходит через определение среднего члена и крайних членов, — эта целокупность составляет *свободный механизм*. Различенные объекты имеют в нем своим основным определением объективную всеобщность, тяжесть, проникающую [все] и сохраняющую себя *тождественной* в *обособлении*. Отношения давления, толчка, притяжения и тому подобное, равно как и агрегации или смешения, принадлежат к отношению того внешнего, что составляет основу третьего из сформулированных выше умозаключений. *Порядок* — чисто внешняя определенность объектов — перешел в имманентное и объективное определение; это определение есть *закон*.

б) Закон

В законе проявляется более определенное отличие *идеальной реальности* объективности от [ее] *внешней* реальности. У объекта как *непосредственной* целокупности понятия внешнее еще не отлично от понятия, которое отдельно [еще] не положено. Когда объект возвратился через процесс в себя, возникла противоположность между *простой центричностью* и чем-то *внешним*, определенным теперь как внешнее, т. е. *положенным* не как в-себе-и-для-себя-сущее. Указанный выше тождественный или идеальный момент индивидуальности есть в силу соотношения с внешним *долженствование*; это — в себе и для себя определенное и самоопределяющее единство понятия, и этому единству упомянутая внешняя реальность не соответствует и потому может быть лишь *стремлением*. Но индивидуальность сама по себе есть *конкретный принцип отрицательного единства* и как таковой сама есть *целокупность* — единство, расщепляющее себя на *определенные различия понятия* и остающееся в своей равной самой себе всеобщности; тем самым индивидуальность есть средоточие, *расширенное* внутри своей чистой идеальности *через различие*. — Эта соответствующая понятию реальность есть *идеальная реальность*, отличная от указанной

выше лишь стремящейся реальности; различие, которое вначале есть множественность объектов, дано в своей существенности и принято в чистую всеобщность. Эта реальная идеальность есть *душа* развитой прежде объективной целокупности, *в себе и для себя определенное тождество системы*.

Поэтому объективное *в-себе-и-для-себя-бытие* оказывается в своей целокупности более определенным, нежели отрицательное единство центра, которое разделяется на *субъективную индивидуальность* и *внешнюю объективность*, сохраняет в последней первую и определяет ее в идеальном различии. Это самоопределяющее единство, абсолютно возвращающее внешнюю объективность в идеальность, есть принцип *самодвижения*; определенность этого одушевляющего [принципа] — различие самого понятия — есть *закон*. — Мертвым механизмом был рассмотренный выше механический процесс объектов, которые непосредственно являли себя как самостоятельные, но именно поэтому на самом деле несамостоятельные и имеют свой центр вне себя. Этот процесс, переходящий в *покой*, обнаруживает либо *случайность* и неопределенную неоднаковость, либо *формальное единство*. Это единство есть, пожалуй, *правило*, но не *закон*. Лишь свободный механизм имеет *закон*, собственное определение чистой индивидуальности или *для себя сущего понятия*; как различие в самом себе этот закон есть вечный источник само себя возбуждающего движения; соотносясь в идеальности своего различия лишь с собой, закон есть *свободная необходимость*.

c) Переход механизма

Однако эта душа еще погружена в свое тело; *отныне определенное*, но *внутреннее* понятие объективной целокупности есть свободная необходимость: закон еще не противопоставил себя своему объекту; закон есть *конкретная центричность* как всеобщность, *непосредственно* переходившая в свою объективность. Указанная выше идеальность имеет поэтому своим определенным различием не *сами объекты*; они *самостоятельные индивиды* целокупности или же, если бросить взгляд назад на [пройденную] формальную ступень, *неиндивидуальные, внешние объекты*. Закон, правда, имманентен им и составляет их природу

и силу, но его различие включено в его идеальность, и сами объекты не различены в идеальном различии закона. Однако объект имеет свою существенную самостоятельность единственно лишь в идеальной центричности и ее законах; поэтому объект не в силах оказывать сопротивление суждению понятия и сохранять себя в абстрактной, неопределенной самостоятельности и замкнутости. В силу идеального, имманентного ему различия его наличное бытие есть определенность, *положенная понятием*. Его несамостоятельность перестала таким образом быть *стремлением* лишь к *средоточию*, по отношению к которому он (именно потому, что его соотношение [с центром] есть лишь стремление) являет себя как самостоятельный внешний объект; теперь он стремление к *определенно противоположному ему объекту*; в силу этого и сам центр распался, и его отрицательное единство перешло в *объективированную противоположность*. Поэтому центричность есть теперь *соотношение* этих отрицательных друг к другу и напряженных объективностей. Так свободный механизм определяет себя как *химизм*.